

Маленькие жучки-подпевалы, еще не успевшие найти себе носителей, быстро уползли по трещинам в асфальте, повторяя последние слова Линь Фу сотнями голосов мужских и женских, молодых и старых.

— Итак, я влюблен в бога...

— Я влюблен в бога...

— Влюблен...

— Влюблен...

— Влюблен...

Самое главное слово повторили пять раз. Су Цюн взглянул на Линь Фу и залился краской.

— Не повторяйте за ним, — он опустил голову и в смущении попытался остановить болтающих жучков.

— Не повторяйте за ним...

— Повторяйте за ним...

— Повторяйте...

— Повторяйте...

— — Су Цюн не смел сказать что-то еще.

Линь Фу мягко улыбнулся и молча продолжил следить за происходящим вокруг. Когда жучки-подпевалы отползли подальше, он наконец смог задать вопрос, волновавший его всю предыдущую ночь.

— Ты так и не ответил... откуда ты узнал обо мне? — Су Цюн промолчал. Тогда Линь Фу шагнул к нему и тихо спросил, — Может, ты спустился с небес из-за меня?

Удивительно, но Су Цюн кивнул, выглядя при этом как набедакуривший мальчишка. Он нервно вцепился в застежку пуховика и выдавил из себя с пискком:

— Из-за тебя... Прежде чем спуститься на землю, я видел твою судьбу, — Линь Фу застыл, как громом пораженный. Су Цюн продолжал, — Ты должен был родиться в состоятельной семье и провести беззаботное детство, но потом твоя семья должна была бы обанкротиться. Все твои деньги сгорели бы, а сам ты жил бы в старой разваливающейся халупе. Ты навсегда остался бы нищим и одиноким...

Линь Фу ошарашенно моргнул, а затем недоверчиво указал на себя.

— Это правда моя судьба?

— Да, — Су Цюн крепко сжал кулаки и выпалил, — Я бог бедности и меня отправили на землю, чтобы исполнить твою судьбу и сделать нищим...

Повисла тишина, и лишь холодный осенний ветер свистел на крыше, принося издали хриплый клекот Биби.

Линь Фу облизнул обветрившие губы и подошел к Су Цюну.

— Меня это не пугает, — спокойно сказал он.

Глаза Су Цюна, до этого будто подведенные розовой краской, покраснели. Линь Фу нежно утер выступившие в их уголках слезы.

— Не плачь. Ничего страшного, если я буду есть жареные овощи каждый день и копить деньги, чтобы на праздники мы могли поесть жареную утку. К тому же, раз уж пока у меня все еще есть деньги, думаю, я смогу купить тебе новую кровать... На чем ты вообще вчера спал?

— На полу... — Су Цюн быстро вытер слезы и покачал головой. — Не волнуйся, ты уже не станешь бедняком. Компания твоих родителей должна была обанкротиться давным-давно, но... Как только я спустился на землю, я увидел тебя. Это мое первое задание, так что я хотел сделать все в наилучшем виде. Я тайком наблюдал за вами достаточно долго, однако чем дольше я смотрел на то, как вы живете, тем больше счастья я ощущал...

— Что же тебя так осчастливило?

Су Цюн застенчиво отмахнулся.

— В общем, я не мог и думать о том, чтобы обречь тебя на вечную нищету. Однако, пусть я и бог, я не всемогущ. Что на небесах, что на земле — судьба есть судьба. Мы, боги, можем лишь направлять и наблюдать. Изменить судьбу нельзя. Так что... я отвел всю твою неудачу на себя. Но из-за побочной реакции получилось так, что моя жизнь стала хуже, чем должна была бы быть у тебя...

— ...Получается, ты принял мою судьбу? — голос Линь Фу дрогнул.

...Человек, столь обиженный судьбой; стоящий перед ним бедняк — это и должен был представлять из себя он?

Перед глазами Линь Фу предстало воспоминание о первой встрече с Су Цюном. Худое маленькое тело прокатилось по асфальту после того, как его сбила машина. В джинсах его зияли огромные дыры. Придя в себя, человек принялся собирать выроненные монеты и поспешил домой. А потом оказалось, что у него даже не было штанов на замену порванным. Он пришивал заплатки, голышом закутавшись в старое одеяло...

"И это все... должен был быть я?" — от чувства вины у Линь Фу сперло дыхание.

— Не беспокойся обо мне, — поспешил успокоить его Су Цюн. — Я бессмертен. Побить бедным несколько десятков лет по сравнению с вечностью ничто. Я думал просто дождаться твоей смерти и вернуться на небеса. Там-то я точно смогу вдоволь поесть жареной утки и исполнить любой свой каприз. Но ты... ты смертен, и я хотел, чтобы ты прожил свою жизнь счастливо...

Линь Фу не дал ему договорить и крепко обнял, так сильно стискивая в объятьях, что, казалось, еще чуть-чуть, и он раздавил бы Су Цюна.

— Мне так жаль, — сдавленным голосом прошептал он, и что-то теплое и влажное упало на шею Су Цюну. — Спасибо тебе за все...

— Все хорошо, — Су Цюн мягко обнял Линь Фу и, немного подумав, добавил, — В конце концов, я бог.

Крики Биби наконец разогнали тяжелые тучи, и город сквозь облака робко осветили первые лучики осеннего солнца. Все ярче и ярче разгорались краски, все громче и ближе становился крик Биби. Вдруг маленькое животное, похожее на крылатую лису, перелетело на крышу соседнего дома и, взмахнув хвостом, прыгнуло дальше, продолжая кричать и призывать солнце.

Озаренный солнечными лучами, Су Цюн, казалось, утопал в золоте.

— Я бог бедности... — с тревогой напомнил он Линь Фу.

— Да, — Линь Фу обнимал его все так же крепко, будто боясь, что, стоит ему отпустить, как Су Цюн сразу же воспарит обратно на небеса.

Маленький бог бедности опустил взгляд, и свет отбросил на его щеки длинные тени пушистых ресниц.

— Нас, богов бедности, все ненавидят. Мы не можем ничего, кроме как делать людей бедными. Это совершенно бесполезная способность, поэтому я и не хотел рассказывать тебе о ней... Если я стал тебе противен — скажи мне прямо, и я стану держаться от тебя подальше. Мне хватит и одного взгляда на тебя издалека, как раньше...

— Противен? Ты? Мне? — Линь Фу рассмеялся, будто услышал самую смешную шутку. Немного отстранившись, он оставил одну руку на талии Су Цюна, а другой нежно погладил его щеку и с благоговением, как если бы молился богу, произнес: — Я люблю тебя.

Тудум, тудум.

Сердце юного бога заколотилось, как сумасшедшее.

А в следующий миг Линь Фу поцеловал Су Цюна. И вся его вина, благодарность, душевная боль и безграничная любовь были вложены в этот долгий и нежный поцелуй.

Мир замер.

Затем с треском дорогой костюм президента Линя разъехался по швам.

<http://bllate.org/book/13799/1218045>